
Адалин Черно
Тома Глуб
Страсть
МИЛЛИАРДЕРОВ
18+

Адалин Черно
Тома Глуб

Страсть миллиардеров

https://litres.ru/74813624
SelfPub; 2026

Аннотация

Чтобы заработать денег, я согласилась поехать снимать свадьбу молодой пары на Санторини. И все бы ничего, если бы через два дня я не оказалась в одной постели с женихом и его братом.

Пять дней. Трое взрослых людей. Один бунгало, слишком много желания и договор, в котором мы условились не вспоминать друг друга там, в настоящей жизни.

Мы решили, что всё закончится вместе с островом, пока я не увидела две полоски на тесте.

Содержание

Глава 1. Прилёт 5
Глава 2. Семья и свита 9
Глава 3. Лав-стори 14
Глава 4. Подготовка 19
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Тома Глуб, Адалин Черно
Страсть миллиардеров

Санторини. Пять дней

Глава 1. Прилёт

Самолёт идёт на снижение. Я прижимаюсь лбом к иллюминатору и наконец-то вижу его.

Санторини.

Маленький, белый, рассыпанный по чёрной скале. Море под ним такое синее, что больно глазам. Сердце на секунду замирает. Красиво. До спазма в горле красиво.

Делаю первый кадр через стекло. Знаю, что испорчен бликами, но рука сама тянется к камере, когда внутри что-то дрожит.

— First time on Santorini? — улыбается сосед-немец.

— Yes.

— Lucky girl.

Если бы он знал. Я лечу сюда работать.

Свадьба года. Дочка крупного клиента моего агентства. Контракт — восемнадцать тысяч евро, отдельная строка про конфиденциальность. Четыре дня программы расписаны по минутам.

Самолёт мягко касается полосы. Туристы аплодируют, а я с предвкушением жду, когда все начнется.

В аэропорту меня встречает водитель с табличкой. Моё имя написано с двумя ошибками — «Anna Smjrnova». Смеюсь. Первый раз за месяц не из вежливости.

— Это уже Греция, — бормочу я себе под нос.

Чёрный «Мерседес» поднимается по серпантину. Я смотрю в окно так, словно мне снова двадцать. Дорога вьётся между белёных оградок и кактусов. Воздух пахнет солью, цветами и какой-то горячей пылью.

— First time на Санторини? — спрашивает водитель в зеркало.

— Да.

Он удовлетворённо хмыкает и больше не лезет. Хорошо. Я люблю людей, которые умеют молчать.

Отель белый — как и всё на этом острове. Имеровигли, северная часть, обрыв над кальдерой. Меня встречает Элени. Худая, лет сорока пяти, с короткой стрижкой и загорелыми руками. Пожимает руку крепко, по-мужски.

— Анна. Хорошо, что приехала заранее. Мне нужен фотограф, который понимает свет. Все остальные хотят только закат.

— Я тоже хочу закат, — говорю я. — Но не только.

Она впервые улыбается.

— Тогда поехали. Покажу площадку.

Площадка оказывается частной виллой на краю кальдеры. Целиком снята под свадьбу. Три уровня белых террас, бассейн с уходящим в бесконечность краем, кисея на спинках лежаков. Я хожу с камерой и тихо охреневаю.

Здесь будет церемония. Тут — приём. А вот тут…

— А вот тут, — голос Элени становится почти таинственным, — отдельное бунгало. Для первой брачной ночи. Пол-

ностью изолированное, со своим бассейном. Невеста очень просила.

Я захожу и невольно затаиваю дыхание.

Огромная кровать с белой кисеёй до пола. Маленький бассейн, выложенный синей мозаикой. Терраса, обрывающаяся прямо в небо. Лаванда. И какой-то цветок, название которого я никак не могу вспомнить.

— Бугенвиллия, — подсказывает Элени.

Снимаю несколько кадров пустого пространства. Странное ощущение — фотографировать декорации до того, как в них появятся живые люди.

К себе возвращаюсь только к закату и сразу распаковываю две сумки техники. Упакованной остается только одна дорожная. В чемодане лежат три платья: чёрное, синее и белое — на случай, если попросят соответствовать «дресс-коду гостей». Бывало.

Сажусь на балкон с бокалом местного вина. Смотрю, как Эгейское море медленно гасит солнце. Кальдера темнеет, домики начинают светиться изнутри.

И я ловлю себя на мысли.

Мне двадцать девять. Я снова одна, в чужой стране. Я фотографирую чужую любовь десять лет и забыла, как выглядит своя.

Где-то там, за тремя бухтами, ужинают мои завтрашние клиенты. Лера и Кирилл. Имена знаю наизусть, лица — пока только по фоткам. Там они оба смотрят в объектив одинако-

во красиво.

Делаю последний кадр заката — для себя, не для работы. Допиваю вино. Иду в постель одна.

Так начинается любая моя командировка. С тишины и одиночества, которые я научилась выдерживать.

В эту ночь — впервые за долгое время — я долго не могу заснуть. Без причины. Просто чувствую, что что-то начинается.

И, как назло, оказываюсь права.

Глава 2. Семья и свита

Утром просыпаюсь от солнца. В Греции оно другое. Не острое и сразу, как в Москве в июле, — медленное, тёплое, цепляющееся за ресницы.

Долго сижу у окна с чашкой кофе. Это последнее утро, когда я ещё ничего о них не знаю.

В двенадцать — встреча с заказчиками. Лёгкий обед в таверне у воды, в посёлке внизу. Спускаемся к нему по лестнице из шестисот ступеней. Можно на фуникулёре, но я иду пешком — нужно прогуляться, обжиться в свете.

Таверна старая, синие ставни, навесы из парусины. Узнаю их сразу — самый большой стол, самые громкие голоса.

Лера встаёт первой.

Высокая, тонкая, с тёмными волосами, уложенными так, словно она только что вышла от мастера. Скорее всего, так и есть. Платье цвета слоновой кости с открытыми плечами. Золотая цепочка с буквой «L» на шее. Духи плотные, дорогие. Я ловлю их за метр.

— Анна! Очень приятно. Папа сказал, ты лучшая в Москве.

— Папа щедр.

Улыбка у неё ровная, отрепетированная. Улыбка человека, который никогда никому не уступает на парковке.

Кирилл встаёт следом — и у меня внутри что-то ёкает.

Не потому, что красивый, а потому что настоящий.

Тёмные коротко стриженные волосы. Спокойные карие глаза. Белая футболка, льняные брюки. Высокий — на голову выше Леры. Бритый. Простой. И эта простота тут, среди всего золочёного, выглядит почти вызывающе.

— Кирилл. — Голос низкий, ровный. — Спасибо, что приехали заранее.

Жму его руку. Ладонь сухая, тёплая. Держит секундой дольше, чем требует приличие, — или мне кажется. Я не знаю.

— Это Макс, — кивает Кирилл на третьего.

Макс приподнимается. Светлые волосы, выгоревшие — наверняка он на острове уже несколько дней. Лёгкая щетина. Серые глаза с морщинками в уголках. Рукопожатие быстрое, тёплое, и тоже на секунду дольше, чем нужно.

— Шафер. Свидетель. Главный смутьян свадьбы, — представляется он. — На случай, если потребуется кого-то напоить, я тут.

— Учту, — улыбаюсь я.

Сажусь. Передо мной появляются салат с фетой, рыба-меч, белое вино.

Лера ведёт стол. Говорит много, быстро. Перескакивает с расписания на флористов, с флористов на тётю Веру с аллергией. Папа и мама прилетают завтра. Кирилл соглашается там, где она спрашивает: «Да, милый?» И каждый раз — с лёгким опозданием. Будто запаздывает на полтакта.

Я слышу этот пропуск кожей.

— Анна, — вдруг поворачивается ко мне Лера. — Мне очень важно, чтобы лав-стори была не как у всех. Понимаешь? Без этих банальных обнимашек на скалах.

— Поняла. Есть какие-то совместные привычки, ассоциации?

Лера задумывается на полсекунды.

— Ну… мы любим хорошие рестораны.

Кирилл фыркает в бокал.

— Я серьёзно, — Лера бросает на него быстрый острый взгляд.

— Я тоже, — спокойно отвечает он. — Мы любим хорошие рестораны.

Между ними проскакивает короткий, едва заметный укол. Я ловлю его краем глаза. Лера смеётся слишком звонко.

Макс перехватывает инициативу.

— У них есть фишка, — говорит он мне. — На каждую годовщину они ездят в одно и то же кафе на Чистых прудах. Где познакомились.

— Это я заказываю одно и то же, — поправляет Кирилл. — Лера каждый раз что-то новое.

— Потому что я не люблю топтаться на месте, — щебечет Лера. — Кирюш, не упрямься. Это и есть наша история.

Я делаю мысленный кадр.

Эти двое в кафе, друг напротив друга. Он — со своим эспрессо. Она — каждый раз с новым латте. И ни один не

понимает, как они оказались за одним столом.

После обеда мы идём гулять по узким улочкам Фиры. Лера каждые пять минут что-то покупает. Кирилл несёт пакеты молча. Макс идёт со мной чуть позади.

— Кирилл правда такой серьёзный, или маска? — тихо спрашиваю я.

Макс смотрит на меня внимательнее.

— А ты, я смотрю, профессиональный наблюдатель.

— Иначе никак. Иначе фотки выходят как из «Икеи».

Он молчит немного.

— Он раньше был другой. Лет до тридцати — совсем другой. Мы с ним в общаге жили. На пятом курсе ехали автостопом в Грузию — у него были волосы до плеч и три аккорда на гитаре. Сейчас стал… собраннее.

— Собраннее — или закрытее?

Макс хмыкает.

— Анна, ты опасный человек.

— Я просто люблю клиентов снимать живыми.

Он смеётся. Хороший смех — низкий, не показной. И я замечаю, как он придерживает меня за локоть, когда мы переходим неровную мостовую. Совсем чуть-чуть.

Но достаточно, чтобы я это запомнила.

Вечером нас отпускают. Лера задерживается с координатором. Кирилл говорит, что ему нужно позвонить по работе. Макс предлагает мне выпить чего-нибудь на крыше. Отказываюсь — нужно ещё разобрать настройки.

— Тогда завтра, — говорит он. — На лав-стори.

— Тебя позвали на лав-стори?

— Я везде, — ухмыляется. — Я тут как третий жених.

Смеюсь и иду к себе.

В номере открываю ноутбук. Выгружаю утренние тесты. И долго смотрю на одну случайную фотографию, сделанную почти автоматически.

Кирилл смотрит в свой бокал. Лера в этот же момент — куда-то поверх его плеча, в телефон, лежащий экраном вверх на скатерти.

Два разных направления взгляда.

Я знаю эту композицию. Слишком хорошо знаю.

Глава 3. Лав-стори

Лав-стори — моя самая нелюбимая часть свадьбы. У хороших пар получается само, а у плохих — никогда.

В половину пятого мы встречаемся в Ойе. Самая туристическая часть острова — белые ступени, синие купола, миллион азиатов с дронами. Локацию выбрала сама Лера. Я её отговаривала, но она сказала, что у её подруги тут «получилось божественно».

Она приехала в платье. Длинном, белом, лёгком — не свадебном, но почти. Волосы распущены. На запястье — браслет, который стоит как мой годовой ипотечный платёж.

Кирилл — в светлой рубашке и тёмных брюках. Макс — в шортах и кедах, с моим вторым отражателем в руках.

— Аня, — командует Лера, едва выйдя из машины. — Сразу что-нибудь романтичное.

— Сначала разогреемся. Просто идите по улочке. Не позируйте.

Они идут. Лера сразу же берёт Кирилла под руку и поднимает подбородок чуть вверх — как будто рядом не он, а камера. Кирилл смотрит вперёд.

Я снимаю. Знаю, что эти кадры — мусор, но в мусоре иногда вылавливается единственная живая мимика.

— Кирилл, — кричу через десять минут, — посмотри на неё, будто видишь впервые.

Он останавливается. Думаю — поведётся, как ведутся все.

Не ведётся.

— Я не уверен, что хочу видеть её снова впервые, — говорит он ровно. — Один раз уже было.

Лера фыркает.

— Кирюш, перестань. Аня просит.

— Я не Кирюш сейчас. Я в кадре.

Между ними пролетает что-то острое. Маленький, тёмный момент.

Я успеваю — снимаю. Желвак на скуле, дрогнувшая бровь.

На таких кадрах потом видно всё. Просто никто не заказывает их в печать.

— Едем к скалам, — бодро говорю я. — Там разойдёмся.

На скалах ниже Ойи — маленькая часовенка с синим куполом. Здесь меньше людей. Свет становится медовым, плотным — тот самый, ради которого все летят на Санторини.

Расставляю их на двух валунах у самого моря. Внизу — тёмные камни и пена.

И тут у Леры звонит телефон.

— Подожди, мне очень надо, — отбегает в сторону, прижимая трубку к уху.

Кирилл садится прямо на камень. Расстёгивает верхнюю пуговицу рубашки. Закрывает глаза.

— Можешь не торопиться, — говорит он, не открывая

глаз. И тише: — Извини.

— За что?

— За всё это.

Я не отвечаю. Просто снимаю.

Его профиль на фоне моря. Светлый камень, далёкий горизонт, медовый свет на скуле. Он этого не видит.

На этих кадрах он впервые на острове выглядит человеком, а не ролью.

Лера возвращается через двадцать минут. Не две, не пять. Двадцать.

— Работа, — обрывает. — Прости, Аня, ну ты же понимаешь, как у меня сейчас всё горит. Кирюш, давай делаем.

Они снова на камнях. Она у него на коленях, рука на его шее. Смеётся в камеру очень убедительно.

Кирилл улыбается губами. Глаза не подтягивает.

Я снимаю и думаю, что эти кадры она пришлёт мне завтра с пометкой «эти в обработку».

Когда я отпускаю их пройтись по линии прибоя, ко мне подходит Макс.

— Ну как тебе пара?

Я молчу. Не должна отвечать. Первое правило профессии.

— Никак не пара, — выскакивает у меня изо рта быстрее, чем успеваю прикусить язык.

Макс долго молчит. Смотрит на воду. Свет на ней уже почти красный.

— Я тебе ничего не говорил, — тихо.

— Я знаю.

— И ты мне ничего не говорила.

— Тем более.

Он усмехается.

— Я ему другую желал, — вдруг говорит он, не глядя на меня. — Из тех, кто умеет замолчать вовремя. Лера не умеет. Никогда не училась — ей всю жизнь говорили, что её речь и есть самое ценное, что у неё есть.

— Ты её не любишь?

— Я её не уважаю. Это разные вещи.

Молчим. Кирилл и Лера идут вдалеке по линии прибоя. Со стороны — очень фотогеничная пара.

— А его — да? — тихо спрашиваю.

— А его — да. Поэтому я тут, на пляже, с тобой и твоей камерой, а не у себя в Питере в офисе, где я сейчас должен быть. Просто чтобы он не остался один.

Я смотрю на Макса по- другому.

До этой минуты он был для меня плоской фигурой — обаятельный шафер, который флиртует со всеми подряд. Сейчас в нём появилась глубина. Не очень удобная.

— Ты хороший друг.

— Я плохой друг, — отвечает он. — Если бы хороший, остановил бы его год назад.

Закат садится быстро. Снимаю Леру с Кириллом против света. Силуэты, ветер ловит её платье, всё как надо. Кадры будут роскошные. Лера будет в восторге.

В машине обратно она утыкается в телефон. Кирилл смотрит в окно. Макс сидит впереди, на пассажирском.

И когда он поворачивается ко мне через спинку сиденья что-то спросить — его рука случайно или нет на секунду касается моего колена в темноте салона.

Я не отстраняюсь.

Тоже не уверена, почему.

Глава 4. Подготовка

День до свадьбы — самый странный день. Все уже здесь, но ещё ничего не произошло. Гости знакомятся. Флористы расставляют цветы по три раза. Я хожу с камерой, как тень, которой разрешили шуметь только щелчком затвора.

Утром приезжают родители Леры.

Папа — тяжёлый, плотный мужчина с тем самым взглядом, который сразу даёт понять, кто здесь оплатил билеты. Мама — миниатюрная, в шёлковой блузе, с фарфоровой улыбкой.

И ещё одна свита — четверо «ближайших друзей семьи». Среди них — высокий мужчина лет сорока пяти. Антон. Юрист, шепчет мне Макс. Старый друг семьи, ещё со времён, когда Лера была школьницей.

Снимаю встречу в холле. На фотографиях все обнимаются.

Лера обнимает папу, маму, Антона почему-то на секунду чуть дольше остальных.

Я почти не замечаю. Почти.

Днём — последние приготовления на вилле. Снимаю декор: длинный стол, белые скатерти, оливковые ветви в керамических кувшинах, свечи в стекле. Флористы переставляют центральные композиции уже пятый раз. Лера ходит между ними и тыкает пальцем.

— Эти ниже. Эти выше. Не понимаешь? Я же показывала на мудборде.

Главный флорист Никос кивает так, словно вместо нее в уме считает, сколько ему заплатят.

У всех тут на лицах один и тот же расчёт.

Кирилл сидит в углу террасы, на низком белом диване. Листает телефон, но я вижу — экран потушен. Просто смотрит в чёрное стекло. Перед ним пепельница. В ней — две вмятых сигареты.

Я знаю от Макса, что Кирилл не курит. Бросил пять лет назад, перед тем как познакомился с Лерой.

Подхожу.

— Чай? — спрашиваю. — Я иду за чаем.

Поднимает глаза. Они у него сейчас совсем тёмные. Усталые.

— Спасибо. Зелёный, если можно.

Приношу ему чай. Сажусь рядом. Камеру кладу на стол. Это нерабочая минута, и он, кажется, понимает.

— Можно вопрос, который мне не положено задавать? — тихо.

— Можно.

— Вы оба этого хотите?

Он молчит долго. Очень долго.

— Я хотел, — наконец говорит он. — Полгода назад я очень хотел. Сейчас… сейчас уже не помню, чего я хотел тогда.

Сердце сжимается.

— Это нормально, — мягко говорю я. — На любой свадьбе у любого жениха в этот день начинается что-то такое.

Он усмехается. Не зло — измученно.

— Анна. Ты профессионально умеешь успокаивать клиентов.

— Я профессионально умею молчать. Успокаивать — не моя работа.

— Тогда помолчи рядом. Минуту.

Я молчу. Где-то за стеной Лера орёт на флористов уже на полтона выше прежнего. Море шуршит галькой невидимого внизу пляжа.

— Спасибо, — говорит Кирилл через минуту. Встаёт. Уходит.

А я ещё сижу. И зачем-то трогаю пальцами тёплую кружку, из которой он пил.

Вечером — ужин в маленьком ресторане для своих. Гостей человек пятьдесят. Снимаю общие планы, отдельных гостей.

Лера в центре стола. Между папой и Антоном.

Кирилл — на другом конце между Максом и своей мамой, тихой женщиной, которая весь вечер смотрит на сына встревоженным взглядом.

В какой-то момент официант проливает Лере на платье пару капель белого вина. Платье белое, капли почти не видны. Лера громко выдыхает.

— Серьёзно? — слышу я её через весь стол. — Ты понимаешь, что это платье стоит как ты за полгода?

Официант пытается извиниться по-английски. Лера переходит на быстрый русский. Папа Леры медленно поднимает руку — жест человека, который сейчас спокойно всё уладит деньгами.

Я смотрю на Кирилла.

Он сидит, сжав челюсть, но не вмешивается. Просто отворачивается и смотрит в окно.

И в эту секунду я понимаю — он уже всё про неё знает. Просто пока не позволяет себе это знать вслух.

После ужина выхожу на воздух. Не выдержала.

В сумке у меня валяется чья-то забытая пачка. Подхожу с ней к перилам террасы.

Макс уже там.

— О. Тоже сбежала?

— Подышать.

Протягивает мне зажигалку. Я неловко прикуриваю, кашляю с первой затяжки. Он смеётся.

— Анна, ну ты позоришь меня перед мирозданием. Дай сюда.

Забирает у меня сигарету. Тушит об бортик. Выбрасывает.

— Не куришь — не кури. Просто стой.

И мы стоим. Внизу бьётся море. Из ресторана доносится Лерин смех — слишком громкий.

— Макс, — говорю я. — Как ты живёшь с тем, что видишь всё это?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.